

№
2458.

5/92

ЕМІРНАЯ БІБЛІОТЕКА
въ память Л. Н. Толстого.

452

===== Отдѣлъ =====
„Изъ жизни Л. Н. Толстого“.

С. Українскій.

КАКЪ ПОМОГАЛЬ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

(Одно изъ тысячи подобныхъ о немъ
воспоминаній).

№ 1031.

Издание „ПОСРЕДНИКА“.

449

КАКЪ ПОМОГАЛЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

I.

Это было лѣтъ 15 назадъ. Авторъ настоящихъ строкъ, выражаясь научно, страдалъ хроническимъ недугомъ алкоголизма, а говоря попросту, „пилъ горькую“. Алкоголизмъ лишилъ меня обычныхъ занятій (литературнаго труда и корректуры) и жительство мое перенесъ въ одинъ изъ „угловъ“, которые, для пополненія своего скучнаго заработка, сдавалъ работавшій „на дому“ съ 2—3-мя подмастерьями сапожникъ. Изъ жильцовъ, кромѣ меня, были еще два гравера по дереву—родные братья, заработокъ которыхъ, къ слову сказать, былъ очень хорошій, но цѣликомъ уходившій на пьянство. За ихъ счетъ угощался обыкновенно и хозяинъ—сапожникъ съ своими подмастерьями. Это была поистинѣ какая-то пьяная квартира, обитатели которой, несмотря на зимнюю пору, были, что называется, разуты и раздѣты. Такъ, напримѣръ, на всю компанію имѣлось только одно рваное, засаленное пальтишко или, вѣрнѣе говоря, какая-то безформенная, неопределенного цвѣта хламида, въ которой дѣгалася выходъ изъ дома по очереди. Нечего и говорить, конечно, что квартира эта своей феноменальной грязью и противной удушливой атмосферой могла бы поспорить, пожалуй, съ историческими авгіевыми конюшнями. Вотъ въ какомъ невозможномъ положеніи очутился я, благодаря алкоголизму. Говорять, что человѣкъ ко всему привыкаетъ. Можетъ-быть, это такъ, но только, во всякомъ случаѣ, не скоро. Какъ, напримѣръ, я ни „опустился“ въ то время, но прими-

риться съ положенiemъ подобнымъ не могъ. И когда бывалъ трезвъ (что, при данныхъ условiяхъ, являлось почти невозможнымъ ни съ физической, ни съ нравственной стороны), — тогда мною овладѣвало отчаяніе.

— А ты бы написалъ письмо къ Толстому!.. — посовѣтовалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ братьевъ-граверовъ. — Вѣдь онъ всѣмъ помогаетъ... Ну, а ты какъ-никакъ писатель... Мыслете пишешь! — пошутилъ онъ.

„А почему бы мнѣ, и въ самомъ дѣлѣ, не обратиться къ Толстому?.. Можетъ-быть, съ его помощью я и поправлюсь какъ-нибудь!..“

Такъ подумалъ я и тотчасъ же усомнился.

— Эхъ, гдѣ ужъ тутъ поправиться, когда до свинскаго состоянія дошелъ!..

Но письмо къ Толстому, невзирая на этотъ пессимизмъ, я все-таки написалъ.

И каковы же были удивленіе и радость съ моей стороны, когда скорость отвѣта на мое скорбное посланіе превзошла всякия ожиданія!.. Сегодня, положимъ, я опустилъ въ почтовый ящикъ письмо, а послѣ завтра Левъ Николаевичъ уже былъ въ моемъ логовищѣ. Повторяю — „логовищѣ“, а не на квартире, потому что мое тогдашнее мѣсто пребываніе ничего общаго съ послѣдней не имѣло. Жилъ же я въ то время на Арбатѣ, въ Песковскомъ переулкѣ, на задворкахъ грязнаго извозчицкаго двора. И сюда-то не замедлилъ явиться „великий писатель земли русской“!..

Вотъ какъ это случилось.

Было морозное зимнее утро, когда наружная дверь издала, по обыкновенію, невозможный скрипъ и на порогѣ показался высокій, плотный старикъ, въ поношенномъ драповомъ пальто и мягкой шапочкѣ. Одѣяніе настолько скромное, что никто бы, кажется, на первый взглядъ не заподозрилъ бы въ пришедшемъ „самого графа Толстого“. По крайней мѣрѣ, хозяинъ-сапожникъ, сидѣвшій въ это время на липкѣ *) за работой, на вопросъ Льва Николаевича: „Тутъ живетъ корректоръ Сер-гѣй Семенович?“, смѣясь отвѣтилъ:

*) Низенький, толстый бочонокъ безъ дна, вместо котораго на-тянута холстина.

— Тутъ... Съ похмелья мается!..

И кивнулъ шершавою головой въ мою сторону.

Я же, хотя и не маялся, вопреки шутливому заявлению сапожника, съ похмелья, но былъ, дѣйствительно, въ горизонтальномъ положеніи—лежалъ на койкѣ, такъ какъ у меня страшно болѣла голова отъ невозможной атмосферы: сырости, угара, запаха сапожной кожи и вара и махорки,—атмосферы, къ которой надо привыкать годами.

И тѣмъ не менѣе я сразу узналъ Льва Николаевича. Онъ былъ такимъ, какимъ обыкновенно рисуютъ его на хорошихъ портретахъ. Прямая, бодрая не по лѣтамъ, осанка, сѣдая, окладистая борода, широкій носъ и густыя, нависшія надъ глазами брови, удивительными по своей живости и проницательности глазами: точно два раскаленныхъ угля!.. Кто видѣлъ хоть разъ Толстого, тотъ никогда, думается, не забудетъ его пронизывающаго, какъ бы сверлящаго взгляда.

Не скрою: сначала я потерялся и, медленно поднявшись съ койки, нерѣшительно подошелъ къ ожидавшему меня Льву Николаевичу.

— Извините,—говорю,—Левъ Николаевичъ (послѣдній терпѣть не могъ, когда его величали „вашимъ сіятельствомъ“)... Будьте добры пройти въ эту комнату!..

Комната, собственно говоря, была одна, но раздѣлялась дощатою перегородкой на двѣ; вторая, гдѣ работали обыкновенно братья-гравера, имѣла видъ сравнительно поприличнѣй.

И вотъ, стоило мнѣ услыхать Толстовскій голосъ—ровный, мягкий, участливый, какъ первоначальная робость незамѣтнымъ образомъ оставила меня.

— Вамъ, прежде всего, надо одѣться!—сказалъ Толстой, которому не могло не броситься въ глаза мое рушище.—А потомъ приходите ко мнѣ,—я вамъ работу дамъ. Только,—и онъ замѣтно подчеркнулъ эти слова,—не надо падать духомъ!

— Да я ужъ упалъ духомъ,—вырвалось у меня невольно.—Вѣдь черезъ этотъ злосчастный алкоголь все, кажется, потеряно!..

И, упомянувъ въ данномъ случаѣ объ алкоголѣ, я долженъ съ чувствомъ благодарности отмѣтить, что самъ

Левъ Николаевичъ ни словомъ не обмолвился по этому поводу, не въ примѣръ прочимъ „благодѣтелямъ“, считающимъ непремѣннымъ долгомъ за свою лепту прощать цѣлую лекцію.

Онъ только возразилъ на сорвавшееся у меня признаніе:

— Напрасно такъ говорите, что все потеряно!.. Пока духъ не потерянъ,—значить, ничего не потеряно!.. Скажите-ка лучше, сколько вамъ нужно денегъ на покупку платья?

— Извините, — говорю, — я не могу самъ назначить сумму...

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь: скажите...

Но я тѣмъ не менѣе не рѣшался выговорить ту или другую цифру, и Левъ Николаевичъ, замѣтивъ мое колебаніе, спросилъ:

— А гдѣ будете покупать?

— На рынкѣ, подержанное,—отвѣтилъ я.

— Тогда, пожалуй, этого будетъ достаточно...

И онъ далъ мнѣ десять рублей.

Умышленно не больше—въ чёмъ я, по крайней мѣрѣ, не сомнѣваюсь,—чтобы лишнія деньги не ввели меня въ соблазнъ.

Подлѣ настѣ, во все время разговора, работали черезъ лупы братья-гравера, и Толстой, замѣтивъ, вѣроятно, ихъ напряженные взоры, взглянулъ на пальмовыя клише и покачалъ головою:

— Трудно, господа, для зреѣнія, ахъ, какъ трудно!..

— Что жъ дѣлать?.. Ужъ мы привыкли...—отвѣтилъ одинъ изъ братьевъ.

— Такъ я васъ жду,—обратился ко мнѣ Левъ Николаевичъ.—Непремѣнно приходите!..

И онъ направился къ выходу.

Яшелъ за нимъ слѣдомъ.

— Да вы простудитесь, куда вы?—испуганно сказалъ онъ, замѣтивъ, что и я, въ моемъ эфемерномъ одѣяніи, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ на морозъ.

— Ничего,—говорю,—не беспокойтесь... Я хотѣлъ васъ попросить, чтобы вы мнѣ дали вмѣсто десятирублевой бумажки двѣ по пяти: а то увидѣть, знаете, десять рублей у меня...

— А! я понимаю, въ чём дѣло,—догадался Левъ Николаевичъ, — но вотъ бѣда: нѣтъ у меня мельчѣ-то денежнѣгъ... А, впрочемъ, погодите-ка: я сейчасъ схожу, размѣняю въ лавочкѣ! Да, смотрите, не замерзните тутъ...

И вотъ Левъ Николаевичъ пошелъ для меня мѣнять деньги въ лавочкѣ.

Теперь, право, какъ-то и вспоминать странно обѣ этой характерной детали: скромность и простота, на которыхъ способна только истинно-философская мудрость!..

Скоро онъ вернулся и вручилъ мнѣ двѣ пяти рублевыя бумажки. И, напомнивъ мнѣ, чтобы я непремѣнно пришелъ къ нему на квартиру, какъ бы невзначай замѣтилъ:

— А ваше письмо ко мнѣ искренне... Такъ смотрите же, не падайте духомъ!..

И онъ сталъ пробираться между извозчичими санями по направлению къ воротамъ.

II.

Черезъ два дня, одѣвшись довольно сносно, я былъ въ Хамовникахъ, на квартирѣ Толстого.

— Левъ Николаевичъ скоро придуть,—объяснилъ мнѣ отворившій дверь лакей:—они тутъ, во дворѣ...

Былъ вечеръ и тотъ именно часъ, когда Левъ Николаевичъ имѣлъ обыкновеніе колоть дрова.

— Въ такомъ случаѣ, я зайду немножко погодя,—сказалъ я, оставляя переднюю.

Однако, въ этотъ вечеръ я не пошелъ вторично къ Толстому: дѣло въ томъ, что меня смутило большое количество шубъ и пальто, не исключая офицерскихъ шинелей, висѣвшихъ на вѣшалкѣ, вслѣдствіе чего у меня явилось предположеніе, что въ Толстовской семье гости и, значитъ, я попаду не во-время.

Только на слѣдующій день я увидалъ Льва Николаевича. Онъ вышелъ ко мнѣ изъ-за обѣда. Въ черной блузѣ, подпоясанной, какъ помнится, черной же ленточкой. Разговоръ на этотъ разъ былъ коротокъ.

— Вамъ нужно теперь перебраться на другую квартиру,—сказалъ Левъ Николаевичъ.

И далъ мнѣ денегъ на переѣздъ.

— А какъ переберетесь на новое мѣсто, приходите ко мнѣ за работой.

III.

И черезъ нѣсколько дней я снова былъ у Толстого.

— Ахъ, это вы!.. Хорошо сдѣлали, что пришли. Такъ я сейчасъ: подождите меня немножко!..

И я слышалъ какъ, удалившись въ сосѣднюю комнату, онъ обратился къ кому-то съ вопросомъ:

— Нѣтъ ли у насть корректуры?.. Тутъ ко мнѣ корректоръ пришелъ...

Но корректурной работы, очевидно, не оказалось, потому что Левъ Николаевичъ предложилъ мнѣ другое занятіе.

Собственно говоря, это была тоже своего рода помошь, только въ деликатной формѣ.

И такъ какъ работа эта для печати не предназначалась, то я не считаю себя въ правѣ распространяться о ней,—скажу только, что она была чисто механическая.

Это можно усмотрѣть, впрочемъ, и изъ тѣхъ поясненій, которыя далъ мнѣ Левъ Николаевичъ:

— Такъ вотъ это—оригиналъ, значитъ... Гдѣ у меня подчеркнуто чернымъ карандашомъ, тамъ и вы подчеркивайте чернымъ, гдѣ краснымъ—тамъ краснымъ, а гдѣ синимъ — такъ подчеркивайте синимъ... А это вотъ—предисловіе: перепишите его въ сорока экземплярахъ, помельче, на маленькихъ листочкахъ *)...

*) Очевидно, Левъ Николаевичъ далъ автору этого воспоминанія для переписки написанное имъ въ то время «Какъ читать Евангеліе», а для подчеркиванья—экземпляры обычного изданія Нового Завѣта, въ которыхъ онъ просилъ подчеркнуть—краснымъ рѣчи самого Иисуса Христа, синимъ—все то осталъное въ Евангеліи, на что Левъ Николаевичъ обращалъ вниманіе, и сдѣлать это съ экземпляра Нового Завѣта, отмѣченаго такимъ образомъ самимъ Львомъ

И, закончивъ эти поясненія, добродушно сказалъ спускавшейся тѣмъ временемъ по деревянной лѣсенкѣ изъ верхнихъ комнатъ старушкѣ:

— А дайте-ка намъ, няня, газетку: книги завернуть!..

И когда газета была принесена, и я, завернувъ въ нее экземпляры книгъ, хотѣлъ, было, попрощаться со Львомъ Николаевичемъ, онъ, какъ бы спохватившись, остановилъ меня:

— Погодите... А чѣмъ работать-то будете?.. Вѣдь бумага, карандаши, перья нужны!.. Я вамъ сейчасъ дамъ все это...

И, дѣйствительно, вынесъ мнѣ цѣлый комплектъ канцелярскихъ принадлежностей: писчей бумаги, по парѣ черныхъ и цвѣтныхъ карандашей, перьевъ, ручку и даже резинку.

— Такъ работайте и не падайте духомъ,—напутствовалъ онъ „заблудшую овцу“.

IV.

На данную мнѣ работу я употребилъ, помнится, не дѣли три, хотя, въ дѣйствительности, достаточно было бы и половины этого времени. Но дѣло въ томъ, что одновременно съ Толстовскою работой,—работой, какъ я имѣлъ основаніе думать, благотворительной, которая была, слѣдовательно, не къ спѣху,—я получилъ другую временную работу: „полистную“ корректуру. А вскорѣ послѣ случайного корректорства я уѣхалъ на мѣсто секретаря редакціи въ провинцію.

Я не стану идеализировать все случившееся со мною, этотъ нежданный выходъ изъ „безвыходнаго“, какъ мнѣ казалось, положенія, но долженъ сказать, положа руку на сердце, что моимъ возрожденіемъ я, въ значительной степени, обязанъ Льву Николаевичу.

Николаевичемъ. Какъ разъ въ то время Левъ Николаевичъ былъ занятъ этимъ, и отмѣченныя такимъ образомъ книги распространились въ то время среди многихъ близкихъ Льву Николаевичу по духу людей. Изд.

Кто знаетъ, чѣмъ со мною было, если бы онъ, Толстой, въ котораго я такъ вѣрилъ и на котораго возлагалъ „послѣднюю надежду“, оставилъ мое письмо къ нему безъ отвѣта?!

Но онъ не только отозвался на материальную нужду, но и постарался, по мѣрѣ возможности, поставить на ноги человѣка.

Впрочемъ, это былъ его обычный принципъ въ дѣлѣ помощи.

Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій, 21.
Москва.—1912.

449.

Книги о Л. Н. ТОЛСТОМЪ, изданныя „Посредникомъ“.

БИРЮКОВЪ, П. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. По неизданнымъ материаламъ. (Воспоминанія и письма Л. Н. Толстого). Томъ I. Съ 29 іллюстраціями. 477 стр. Ц. 2 р. Въ роскошномъ коленкоровомъ переплѣтѣ 2 р. 75 к.

Содержаніе: Часть I. Происхожденіе Л. Н. Толстого. Часть II. Дѣтство, отрочество и юность (1828—1850). Часть III. Военная служба (1851—1856). Часть IV. Литературная и общественная дѣятельность.

ТО ЖЕ. Томъ II. Ц. 2 р. 25 к.

Содержаніе. Часть I. Періодъ „Воіна и мира“. Часть II. Второй педагогический періодъ. Самарское имбніе. Голодъ. Часть III. Періодъ „Анны Ка-рениной“. Часть IV. Братицкий періодъ. Часть V. Обновленная жизнь.

БИРЮКОВЪ, П. Кратная общедоступная біографія Л. Н. Толстого. Цѣна 15 к.

КРОСБИ, Э. Толстой и его жизнепониманіе. Переводъ съ англійского подъ редакціей И. Горбунова-Посадова, съ замѣткой **Л. Н. Толстого**. „Первое знакомство съ Э. Кросби“ и краткимъ біографическимъ очеркомъ „Эрнестъ Кросби, поэтъ нового міра“, составленнымъ И. Горбуновымъ-Посадовымъ. Ц. 45 к. |

Содержаніе: I. Отрочество и молодые годы. II. Великий духовный кризисъ Толстого. III. Отвѣтъ Толстого на загадку жизни. IV. Основы нравственного и соціального ученія Толстого. V. Ученіе Толстого и христіанское ученіе. VI. Христіанское ученіе на практикѣ. VII. Заключеніе.

КРОСБИ, Э. Толстой какъ школьный учитель. Издание второе. Ц. 40 к.

Содержаніе: Школа въ Ясной Полянѣ.—Драки въ школѣ.—Наказанія.—Рассказы.—Свобода, равенство и братство.—Методы обучения.—Справиваніе уроковъ и экзамены.—Исторія.—Другіе уроки.—Позднѣшіе взгляды Толстого.—Американскій опытъ.—Толстой у себя дома.—Педология (наука о способахъ наказанія).—Истинное и ложное образование.

Всѣ эти книги продаются въ книжномъ магазинѣ «ПОСРЕДНИКЪ» (Москва, Петровская линія, и во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ).

Выписывать можно изъ главнаго склада изданий «ПОСРЕДНИКА»: Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ. И. И. ГОРБУНОВУ.

Полный каталогъ книгоиздательства высылается бесплатно.

4223

Изданія «ПОСРЕДНИКА».

ВСЕМИРНАЯ БИБЛИОТЕКА

въ память Л. Н. Толстого.

Отдѣлъ «Изъ жизни Л. Н. Толстого».

I.

Два года съ Л. Н. Толстымъ.

Записки бывшаго секретаря Л. Н. Толстого

Н. Н. Гусева.

Цѣна 1 р. 20 коп.

II.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ

Л. Н. Толстого.

(Защита Шебунина).

Н. Овсянникова.

Цѣна 30 коп.

III.

Какъ помогалъ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

(Одно изъ тысячи подобныхъ о немъ воспоминаний).

С. Украинскаго.

Всѣ эти книги продаются въ книжномъ магазинѣ «ПОСРЕДНИКЪ» (Москва, Петровская линія) и во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ.

Выписывать можно изъ главнаго склада издательства по адресу: Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ. И. И. ГОРБУНОВУ.

Отсюда же высылается подробный каталогъ издательства бесплатно.

Цѣна 3 коп.